

Облизанные шершавым языком

Событие, прошедшее мимо

Что и говорить – любовь к юбилеям у нас в крови. И, как в “самой читающей стране”, к великописательским особенностям. 60 лет со дня рождения Бродского – радио и телевидение извергают потоки программ, депутаты Государственной думы к месту и не к месту сыплют неточными цитатами, петербургская администрация муссирует проекты мемориального музея и памятника поэту. Про чествование двухсотлетия Пушкина и вовсе вспомнить страшно.

Год две тысячи второй, казалось бы, не предвещал подобной напасты: чинно, но без помпы отметили 70-летие ныне здравствующего Евтушенко, благо никто из великих усопших классиков художественного слова круглой датой в текущем сезоне не отметился. И вдруг, как гром среди знойного июльского неба, “Футуризм.ру”, Академия графического дизайна, Зверевский центр современного искусства, L-галерея, Союз молодых литераторов “Вавилон”, Государственный литературный музей, Музей кино, Московский международный форум художественных инициатив и LineaGrafic объединились, чтобы дружно обрушить на разномлещую от жары столицу тринадцатидневный (с 7 по 19 июля), широкомасштабный 109-й День рождения Маяковского. Невзирая на то, что годовщина в общем-то проходная и личность “самого знаменитого после Пушкина русского поэта”, как величают футуриста и глашатая революции устроители акции, по нынешним временам весьма спорна, фестиваль Маяковского должен был превратиться в глобальное культурное событие, объединяющее музейный подход к гениальной фигуре с “актуальными” художественными проектами.

Началось все с перформанса у памятника поэту на Триумфальной площади. Кучковались, переходя с места на место, какие-то люди, невыразительные выступающие жалась к подножию монументальной громады, автомобильные гудки, свистки, выкрики, голоса – это практически все, во что вылилась первая эпатажно-футуристическая акция фестиваля. Даже раздаваемые в удушливом чаду Садового кольца конфеты из мешка “Маяковский угощает” не могли оживить действия. Однако унывать было еще рано. В программе значился целый набор ласкающих слух мероприятий: поэтические вечера “Поэт и власть”, “Поэтический эксперимент” и “Говоря от первого лица”, два вечера архивного кино, “круглый стол” “Художник и власть. Проблемы “Левое искусство”, выставка “Маяковский продолжается” в L-галерее, Футурбал и прежде всего фестиваль плаката “Шершавым языком” в Зверевском центре современного искусства.

С пафосом объявленные поэтические вечера на проверку оказались обыкновенными поэтическими вечерами в Музее Маяковского на Лубянке, где Дмитрий Пригов, Геннадий Айги и их менее прославленные собратья по перу самовыражались практически безотносительно к футуристическим принципам формообразования, а то и вовсе следуя традиции всех тех, кого надлежало сбросить с корабля современности. Не будь у этих чтений посвящения Маяковскому, выиграли бы все. И концепция фестиваля оказалась яснее, и современные поэты не попали бы в положение нелепого сравнения с незримо нависшей над слуша-

телями тенью великого предшественника.

Архивные кинопрограммы, представившие на обозрение публики несколько сохранившихся фильмов, в которых Маяковский выступал как сценарист, актер и отчасти режиссер, соотносились с идеей фестиваля куда логичнее. И если на “Декабрюхове и Октябрюхове” желающих приобщиться к истории кинематографа было не так много, то на “Барышне и хулигане” – сентиментальной переделке итальянской пьесы о любви рабочего-хулигана к учительнице – небольшой музейный зал был переполнен до отказа. Сидели между кресел на полу, в проходах, стояли в дверях и даже за дверным проемом. Фестиваль вообще продемонстрировал весьма симптоматичный интерес к образу Маяковского. Именно к образу – человеческому, личностному, мужскому, а не к творчеству, его формам и приемам как таковым. Гениальность поэтического новаторства Маяковского, метро-ритмическая структура, композиция его текстов и рисунков, футуристическое словостроение – словом, все то, что сделало литературу XX века невозможной без Маяковского, оказалось за бортом фестиваля как со стороны участников, так и зрителей. Предметом же общественного внимания стал прежде всего Маяковский идеологический, тот, которого пестовала советская власть, или, напротив, статный красавец, живущий с Бриками, и эпатирующий желтоблужник, предлагающий публике после своего концерта: “Желающие получить в морду благоволят становиться в очередь!”

Выставка плаката, преподанная как развитие современными художниками традиций авангарда, стала выражением все тех же бесконечных штампов. Герман Виноградов и Арчи Галенц, Алина Юревич и Елена Китаева, Наринэ Золян и Владимир Строчков в едином порыве представили потрясающую мешанину из пропагандистских, не имеющих никакого отношения к Маяковскому плакатных схем 20-х годов, конструктивистских, экспрессионистических и футуристических приемов. Суровый красноармеец вместо того чтобы собирать добровольцев, предлагающий жестом сообразить на троих, мимикрировавшие обломки лаконичных супрематических композиций, фотоколлажи и порой остроумно-политкорректные слоганы – это сегодняшние потомки Окон РОСТА, работ Стенбергов и Лисицкого. То, что закрепилось в сознании как признак времени Маяковского. И если в связи с двадцатилетней годовщиной смерти поэта “Литературная газета” сообщала, что “имя Маяковского воплотилось в пароходы, школы, танки, улицы, театры и другие долгие дела”, то в 109-й его день рождения можно с легким сердцем констатировать, что эти самые долгие дела и стали для нас символом имени Маяковского. Парохода и человека. А потому и шершавый язык плаката, которым некогда поэт предлагал “вылизывать” пережитки прошлого, сам стал плотью теперь уже нашего “маяковского” прошлого. А больше, кажется, ничего не изменилось: из-под “языка” выходит все та же “Мокрая, будто ее облизали, толпа. Прокисший воздух плесенью веет. Эй! Россия, нельзя ли чего поновее?”

Юна ВЕЧЕНА

Куклы Гурья – 2002. – 25 июля – 7 авг. – с. 7